

Ю. Я. Герчук

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА Ф. В. КАРЖАВИНА
В АМЕРИКЕ**

(КОНЕЦ XVIII в.)

Множество народов я видел, которые не так живут, как мы, не так, как и прочие Европцы; видел я людей разумных, видел и глупых; везде я нашел человека, но дикого — нигде, и признаюсь, что дичее себя не находил.

Ф. Каржавин

Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) — один из первых русских, оставивших интересные и живые описания островов Вест-Индии (где он долго жил в 70—80-х годах XVIII в.) — не принадлежал к обычному типу путешественников-ученых. Глубоко и разносторонне образованный, талантливый и любознательный, натуралист, врач, филолог-полиглот, он был заброшен в эти отдаленные страны не программой научных исследований, но страстью к авантюрам, любопытством и своими, не слишком, впрочем, успешными, торговыми делами. Хорошо подготовленный к роли ученого-наблюдателя, он не созерцал чужую жизнь со стороны, а жил ею.

Каржавина никогда не покидали наблюдательность, привычка вести дневник (дошедший до нас, к сожалению, не полностью), интерес к природе, к быту, нравам и общественному устройству далеких от его родины стран: «Человек рождается с любопытством и всегда слушает с удивлением речи подобных себе, приехавших из неизвестных ему стран: Правда, что тут бывает часто место Франсеской¹ пословице а beau tepit qui vient de loin — хорошо де тому лгать, кто из далека приехал; но часто за прибыль обманывать людей рано-ли поздно ли обман узнавают и рассказчика со стыдом при его сказках оставляют. Такие обманы приличны одним ханжам, которые в путешествиях своих ничего не разумеют кроме церквей, риз, сосудов и паникадил; как они сами непросвещены, так они везде видят чудеса; и ни в чем не доискиваясь естественных или жизнемудрственных причин, питаются обманом; и при возвращении своем домой с того же блюда подчивают соотичей своих: не все путешественники таковы». Так писал Каржавин в предисловии к переводу английской книги о путешествии по Аравии². Не называя себя (его соб-

¹ Своеобразное написание некоторых имен, названий народов, языков («Европцы», «Франсеской», «Англишской» и т. п.). Каржавин защищал в специальной статье «Примечания словопроизводные. О неправильном выговоре и писании многих иностранных слов; с заявлением ошибок, добровольно сделанных в переводе «Ход караванов в степной Аравии» и побудивших меня к преступлению против обыкновенного выговора, который ежедневно переменяется и, следовательно, прямоутвержденным назваться не может». Статья эта была приложена к каржавинскому переводу книги «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилия», М., 1791, стр. 20—35). Каржавин выступает в ней в защиту строго фонетического написания иностранных имен и названий (см. об этом в работе М. П. Алексеева «Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина». «Романская филология», «Ученые записки ЛГУ», Л., 1961, № 299).

² «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...» Перевод с английского языка, СПб., 1790, нenum. стр.

ственные наблюдения в этой книге лишь присутствуют в виде своеобразных «примечаний», Каржавин явно имеет здесь в виду и свои странствия. Он с гордостью противопоставляет свой труд путешественника-философа широко распространенным тогда описаниям благочестивых паломничеств к святым местам. В самом деле, не только в книгах, но и в дневниковых записях этого ученика французских вольнодумцев нет ни слова о святынях — все они обращены к живой жизни.

Каржавин гордился своими путешествиями, предпринятыми без чьей-либо помощи, не на казенный счет. «Просвещенные стран обладатели и все ученые общества посылают в отдаленнейшие край света нарочных для разных наблюдений, которые, в каком бы роде ни были, всегда пользу делают, расширяя круг знаний человеческих: но как в древле не всякому человеку удавалось в Коринфе побывать, так и ныне не всяк может на Академическом стуле сидеть, или, на царский кошт по свету ездя, примечания писать и травки собирать. Того ради много есть таких людей, которые из собственной охоты и на своем иждивении объезжают разные части света; и о жизни не радея сыскивают себе просвещение о мало знаемых странах, обычаях, делах, законах, произрастениях и проч. А все то служит к общему благополучию, которое должно всегда быть главным предметом честного человека». За этим следует настоящий гимн путешественникам — «просветителям человеческого рода», которые «общего внимания достойны и почтение наше заслуживают, потому что они существительную, хоть не всякому Россиянину понятную, пользу приносят человеческому обществу, которого они имеют тогда право называться действительными членами»³.

Мы не будем здесь пересказывать многократно изложенную в исторической литературе биографию Каржавина⁴, в том числе и историю его странствий. Остановимся лишь на тех ее эпизодах, которые дали путешественнику материал для этнографических наблюдений и заметок.

Каржавин пересек океан в октябре 1776 г. и в начале ноября прибыл в порт Трините («Гавань Троицкую», как он его называет), на западном побережье Мартиники. С 5 ноября — дня приезда — начинается дошедший до нас «Журнал 1776-го года 1777», сохранивший первые его впечатления на тропическом острове⁵: «Едва прошел с полмили в горах по дорогам грязным, где проходу было инде не более, как на пол аршина, как жар и зной солнечной начали мне причинять величайшую в голове тягость, так что раз пять чувствовал себя близко обморока; голова кружилась, сердце трепетало наподобие, когда человек, в бане будучи, приближается к угару; однако ободрясь дотащился я до избы, где кофеем промышляла молодая мюлатресса; тут я отдохнул, выпил чашу лимонада, и пустился паки в путь; дошел до избы престарелого арапа плотника и столяра Лаврентия, у которого нашел я хлеб белой горячей, яйца свежие, гуяфы и помаранцад да тафию; пообедав изрядно пошел я далее; дорога полутче стала, с гор стал я сходить в ниские и плоские места к Ламантену, куда пришел в 4 часа с половиной пробравшись чрез реку Лезар на плоту...»⁶. Уже в этой записи о первом пешем путешествии по острову появляются, хотя и мельком, конкретные живые лица негров и мулатов, явно интересовавшие Каржавина. Дневниковые записи большей частью беглы и кратки: «В 27-е число (декабря. — Ю. Г.) видел рыбную ловлю при факелах на берегу морском»⁷. Несколько подробнее говорит

³ «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...».

⁴ Наиболее точно, хотя и кратко, история Каржавина рассказана в статье А. И. Старцева «Ф. В. Каржавин и его американское путешествие» («История СССР», 1960, № 3, стр. 132—139). См. также наш очерк «Жизнь и странствия Федора Каржавина» («Прометей», т. 2, М., 1967, стр. 92—106).

⁵ Рукописный отдел Института русской литературы, ф. 93 (собрание П. Я. Дашкова), оп. 2, д. 102, л. 6—9.

⁶ Там же, л. 6, 6 об.

⁷ Там же, л. 8 об.

о жизни на острове письмо Каржавина П. А. Демидову, пока не найденное, но конспективно изложенное в том же дневнике. Среди подробных сведений о ценах, товарах, погоде здесь есть и отдельные коротенькие замечания о жизни на острове: «Спят на соломе сахарной или банановой, не на шерсти, не на пуху, иногда на бумаге (т. е. на хлопке.— Ю. Г.) без одеялов ... Земли плоской и на $\frac{1}{2}$ версты нет: везде горы да доли. Часов 5, 6 идешь в гору, там лед, внизу и стужи не знают. Арапы там беглые, да змеи. Товар здешней — сахар, патака, кофь, крутик, бумага, лес драгоценной. Караибы в острове святого Викентия (о. Сент-Винсент.— Ю. Г.)... Дороги узки. Телег нет; женщин носят на сетях, мушны едут подле их верхами. Товар возят на ишаках или на главе арапы нагие; лодки однодревки, пироги..... Негры мюлатров не любят, не женятся на мюлатрессах»⁸.

Особенно интересна краткая запись о негритянском празднике: «В 6-е число января, в день богоявления господня, — взлез я наверх пропасти, шол 12 минут чрез 204 ступеней, тамо нашол пляску арапов перед барабаном с гремушками на ногах; их тот праздник, ибо в число царей был один черной; ход черной после вечерен бывает»⁹. Здесь описан пример характерного для Вест-Индии религиозного синкретизма: негритянский праздник в честь одного из царей (или волхвов), пришедших поклониться младенцу Христу, по традиции изображавшемуся негром.

Мартиника, куда Каржавин несколько раз возвращался из своих скитаний по Америке, впоследствии не раз возникает и в его публикациях 90-х годов. Форма этих публикаций своеобразна и всегда отрывочна: в большинстве случаев это примечания или вставки в издававшиеся им переводы иностранных книг. Но они не только добавляют к цитированным выше дневникам новые наблюдения и факты, но содержат интересные оценки и обобщения, позволяя увидеть жизнь «сахарных островов» глазами внимательного, но далеко не бесстрастного наблюдателя: «В начале населения острова Мартиники Европцами, чуть было первые поселения не принуждены были бежать с сего острова по причине неудобовоображаемого множества сих пресмыкающихся (змей.— Ю. Г.), которые везде на нем расплодились, однако нашли скоро способ их истребить огнем, зажигая траву на местах, где они водились: осталось и поныне довольное их число, и часто с гор спускаются в города и загуливают в дома, где их редко не убивают.

Для угрызения их (т. е. против укуса.— Ю. Г.) найдены столь надежные средства, что редкой человек от того умирает; разве какой-нибудь Арап, которой будучи не ужален, но угрызен змием не скажет о том никому, дабы чрез то скорее ему умереть и тем самым освободиться от несносных побоев тиранствующего над ним белаго человека, которой его без всякого права купил вместо скота для обогащения своего потовыми его трудами»¹⁰.

К этому возгласу живого сочувствия угнетенным неграм-рабам, может быть не случайно запятанному в середину целого трактата о змеях, Каржавин делает новое, деловито-бесстрастное примечание о расовых градациях на островах.

«На Антильских островах и в большой части Европских селений в Америке жители состоят из белых и черных людей: первые называются по-франчески *les Blancs*, по-англишски — *White Man* или *the Whites*, по-эспаньольски — *los Blancos*, т. е. Бесяки или Белые; последние — *les Negres* или *les Noires*, *Black-Man* или *the Negres*, *los Negros* или *los Morenos*, т. е. Черные; и тамошним градомудрием установлено, чтобы всегда Черные покорялись и были подвластны господствующим Белым...

⁸ Там же, л. 8 об. 9.

⁹ Там же, л. 9.

¹⁰ «Описание хода купеческих и иных караванов в степной Аравии...», стр. 133, 134.

Между сими двумя противно-цветными народами есть смешанноцветный род людей, производящий от белых отцов и от черных матерей, сии люди называются *les Mulatres, the Mulatoes, los Mulatos* или *Pardos*, мулатры. Вообще, цвет их желто-коричневой, а иные рождаются желтые с темноватыми по всему телу пятнами, почему они у Эспаньолов называются Барсами. И как состав их происходит от двух горячих и чистокровных начал, то они почти все остроумны, переимчивы, искусны, разсудительны, вспыльчивы, и храбры; но не долговечны и прежде 40 лет старики.... от сих смешенноцветных людей и от чистаго белаго народа рождается трехколенная поро́да — местивы *les Mestifs* называемая. Цвет лица белой с светло-желтою оттеню, а иногда лепельный; волос длинной и мягко́й, как у нас. Потом следует четырехколенная поро́да *les Quarterons*, Четвертаки называемая; народ белой и румяной с длинными волосами, которого от чистаго Бе́ляка непривыкшему человеку отличить нельзя.— От Четвертачки и от Бе́ляка рождается Мамлук или Мамлучка в пятом колене, превосходящие нас белизною. Мулатры, Местивы, Четвертаки и Мамлуки состоят у франсезов под общим именованнем цветных людей *les gens de couleur* и составляют в гражданском войске отдельной корпус.

В португальских селениях арапы, люди чистокровные, получают священнической и епископской сан; но прочим смешаннокровным коленам даются только светские, как по военным, так и по штатским делам, чины, не выключая Губернаторского и Генеральского. Во Франсеских селениях Белой церковным браком ни с Арапкою, ни со дщерьми кровосмешения во всех степенях онаго сочетаться не может, но шестиколенное дитя, родившееся от Белаго и от Мамлучки, почитается чистокровным наравне с Европскими детьми; и в раздорах семейных законами запрещено искать по суду родословие людей выше пяти колен потому, что Арапское черное племя в пятом колене совершенно выбелилось. Я не говорил о плоде белых матерей с черными или цветными отцами.... за что законы таковых матерей наказывают тем справедливее, что они поддаются тогда черному человеку не от недостатка в белых мужчинах, но единственно для удовлетворения развращенному своему вкусу или ради особливых каких-либо причин, которые их не оправдывают пред очами Белых законодателей и всегда делают невестными в обществе почтенных жен: «сильной слабому — закон»¹¹.

Речь здесь идет уже не только о Мартинике, но об Антилах вообще, и шире — о «большой части европейских селений в Америке». На такие обобщения Каржавин, безусловно, имел право. Его торговые поездки на материк, в охваченные освободительной войной английские колонии, продолжительные и полные приключений странствия по островам раскрыли ему широкую картину жизни «тамошних разноцветных, т. е. черных, желтых, красноватых и белых народов»¹². В сохранившихся страничках путевых дневников мелькают беглые описания виденных им островов Сент-Эташ — с потухшим вулканом, у которого «внутренность населена большим количеством беглых негров»¹³, Барбуда, который «имеет только четырех белых жителей и 300 цветных людей, поставляет скот, овощи, дерево и воду на Антиг: не разрешается производить сахар, кофе, хлопок, но только продукты, по желанию одного частного лица с Антиг, которому этот остров принадлежит и который оставит его по завещанию нынешним владельцам только на этом условии»¹⁴ и т. п.

Подробнее описан в дневнике «Французский Кап» (теперь — Кап-Аитьен) в Сан-Доминго (Гаити), где Каржавин побывал в июле 1782 г.,

¹¹ «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...», стр. 134—137.

¹² Там же, стр. 231.

¹³ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. 238 (коллекция Н. П. Лихачева), картон 146, д. 10, л. 1. Оригинал по-французски.

¹⁴ Там же, д. 9, л. 2 об. Оригинал по-французски.

странствуя в качестве врача на испанском корабле. Он описывает общее расположение города, охваченного горой, преграждающей дорогу прохладным бризам, его укрепления, порт, наполненный «всевозможными флагами», упоминает прекрасную рыночную площадь с фонтаном.

«На восточном краю города находится прекрасный луг с местом для гулянья, где весь город встречается вечером, когда закрывают лавки. Немного дальше есть батарея и т. д. Магазины здесь хорошо выстроены из камня, покрыты шифером; дома прекрасные; казармы и церковь — великолепные постройки; но церковь голая и без всякого украшения, даже нет кафедры проповедника. Улицы здесь не поливают, как на Мартинике, они совсем прямые, но пыль вам ест глаза, от солнца мозги закипают, и мостовая жжет вам подошвы башмаков. В лавках всевозможная торговля, на рынке изобилие продуктов, но очень дорогих,... Нет красивых женщин; экстравагантная роскошь среди цветных. Французы занимают худшую часть острова, и их промышленность делает их более богатыми; равнодушный испанец удовлетворяется разведением в лесах скота, который он продает французам»¹⁵.

Позднее, в уже цитировавшихся примечаниях к своим переводам, Каржавин описывает своеобразие монетной системы на островах, отсутствие разменной монеты, вскользь упомянутое и в дневнике:

«Тяжелых медных денег нет на всех Антильских островах; следовательно, за самую малейшую услугу нельзя Арапу или Индиану заплатить менее $\frac{1}{16}$ Эспаньольского долара серебром и для того ниществующих там нет, ибо всяк одет как тамошний климат позволяет и сыт, следовательно, и богат. Случилось однажды, что в Сен-Доменге Франсеском (ибо есть и Эспаньольская часть сего острова) мелкие деньги зделались редкими, о чем дано знать во Франсию, потому что во всех мелочных торгах произошло на время затруднение. От Франсескаго Министерств за худо разумеющего пользу островитян послано немедленно в город Кап на 200 тысяч ливров медной монеты копейками, денежками и полушками. Но Верховный совет, состоящий из богатейших поселян и торцовцев, уведомившись о сей присылке через Королевскаго чаместника, заплатил ему 200 000 ливров золотыми моедами (Португальская 8 рублевая монета); а медь, не допуская ее до города, приказал на рейде побросать в море для предупреждения явнаго разорения и нищеты златодонному своему селению: ибо всяк может понять что вольной Арап (или такой, которого хозяин отпускает на промысел с тем, чтоб он ему платил по тридцати копеек на день), вычистивши для Петра пару башмаков и збегавши в лавочку за чем-нибудь для Павла, выработал уже $\frac{1}{8}$ долара или реяль, на что он может изрядно пообедать, а ежели захочет потрудиться во весь день, то скопит к ночи долара с два; напротив того, при введении медных мелких денег в селение, получая только по копейке или по деньге за свои труды, он тех же двух долларов и в целую неделю не накопит; между тем, сыт не будет и, наконец, увидит себя принужденным просить милостыни или промыслять воровством для zapлаты оброка варвару своему хозяину, которого изъедает лихорадка, потому что ни за что сам приняться не хочет, а предпочитает здоровью своему лень, которую покоем называет и ставит себе за щастие, что имеет подчиненнаго, которой наготу и голод терпит что-бы потом лица своего пропитать лениваго своего мучителя»¹⁶.

Стоит отметить, что неизменное сочувствие автора негру-рабу выражено в этом отрывке не только в форме обычного для того времени морализирования, но и в том, что описываемую им экономическую ситуацию Каржавин прямо рассматривает с точки зрения интересов этого

¹⁵ Там же, д. 9, л. 6 об., 7. Оригинал по-французски.

¹⁶ «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...», стр. 150—152.

несчастливого «арапа». Близко зная его жизнь, он легко переходит от отвлеченных рассуждений к живой картине быта, воспринимаемого им вполне житейски, без всякой экзотики.

Подобные картинки жизни сами собой возникают и в его естественно-научных описаниях. Так, рассказывая о ящерицах, Каржавин описывает охоту на игуану: «Арапы антильские ловят его в лесах на вершинах гор, ударяя его по рылу палкою, а застрелить его трудно, потому что всякая дробь по чешуям его катится; но оглушают его палкою, связывают все четыре лапы вместе и, обвертевши хвост около руки, приносят его в города, где обыкновенно продают по 6 островских франков — по 8 гривен»¹⁷.

Это описание продажи живой игуаны повторяется и в другой работе Каржавина — в комментариях (отчасти переведенных, а больше свободно, с обильными дополнениями от себя пересказанных им) к гравированным естественнонаучным таблицам Ф. Бертуха «Собрание любопытства достойных предметов...» (1794): «Игуана больно кусает ловца, ежели он не успеет ударить ее палкою по носу, того ради арапы продают ее в городе недешево; связавши им лапы и опутавши челюсти льком, носят их по улице за хвост и продают живых обыкновенно по 8 гривен»¹⁸. Подобные заметки мельчайшими, но многочисленными крупными вывлечены здесь в естественнонаучный текст. Здесь можно найти заметки о съедобности и о местных, американских способах приготовления мяса описываемых животных, например серой белки, которую в Виргинии и Пенсильвании «едят и мясо их очень вкусно, особливо с кисловатую приправую»¹⁹; различных попугаев — ара «предпочитаются другим папугаичьим породам для употребления поваренного, ибо все они, когда сварены, подходят вкусом на лучшую говядину и дают изрядную похлебку». По словам Каржавина (в немецком и французском параллельных текстах этих сведений нет), «в кайенских селениях ловят для кухни Папугая белого, которого и зовут мельником; фиолетового, который называется у природных жителей Киянко; да папугая же известного у них под именем Тоша, которого всем прочим Папугаям и даже кормной курице предпочитают они, сваренного в супе или приправленного на самом малом огне в покрытой кастрюльке и начиненного ядрами из орехов, растущих на поверхности особенных тамошних яблоков»²⁰. О черепахе-круглоголовке Каржавин сообщает, что мясо ее дурно пахнет, но «бедные Арапы, у поселян живущие в неволе, по нужде питаются ее мясом». Зато за «зеленой снейдой» (т. е. съедобной) круглonoсой черепахой «из Антильских островов ездят рыбакия судна в Кайену и там нагружают их живыми Черепахами, которые обходятся в покупке гуртовой по 8 рублей каждая, а по привозе их в Мартинку мясники продают фунтами по 25 коп.; в Гаване, столичном городе Кубского острова, то же мясо продается по одному реалу, что есть осьмая доля Испанского рубля; но привоз тут ближе»²¹. Каржавин рассказывает «о папугаях, искусственно разпещренных», которыми «природные американцы» (т. е. индейцы) «в своих Гианских жилищах (т. е. в Гвиане) втирают в кожу, на месте выдернутых «на разных, но соответствующих друг другу местах» перьев различные «соковые из трав и корней выдавленные краски», отчего окрашиваются отрастающие молодые перья»²². Интересны сведения об амулетах: «Каймановы зубы, оправленные золотом, Американцы (т. е. опять-таки индейцы. — Ю. Г.) привешивают детям своим на

¹⁷ «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...», стр. 31.

¹⁸ «Собрание любопытства достойных предметов для юношества и любителей Естественной истории...» Сочинения Ф. И. Бертуха, т. 1, СПб., б. г., табл. 24.

¹⁹ Там же, табл. 17.

²⁰ Там же, табл. 17.

²¹ Там же, табл. 23.

²² Там же, табл. 16.

шею, когда первые зубы хотят у них выходить; а себе подвязывают к голому телу, ради дознанной силы их против всякой отравы и угрызения змеинного». Здесь же говорится и об использовании жира кайманов в качестве лекарства: «Отомаки, народ живущий в стране, орошенной рекою Оrenoком, привыкшие есть хлеб меловатой, избавляются от желудочной болезни употреблением Каиманова жира, которой очищает желудок от завалов: для сего они принимают натошак, три или четыре утра сряду, по семи золотников упомянутого жира с сахаром, и всегда в домах своих его для нужды держат; другие народы употребляют кровь и желчь сего зверя вместо лекарства»²³. Рассказывая о медососах (колибри), Каржавин замечает, что «Американки (индейки. — Ю. Г.) привешивают иногда сих Мух к ушам своим вместо серег»²⁴. О суринамском светляке «светоноске» он говорит, что «в домах они служат... вместо свеч; а в дороге жители носят сие насекомое в руке и по одному навязывают на каждую ногу, дабы с помощью сих природных фонарей светлее им было путешествовать ночью»²⁵.

Сообщает Каржавин сведения о начале культуры кофе в Вест-Индии: «В 1720 году Г. де Клию, капитан пехотных полков, благополучно привез в Мартинку одно, не толще гусиного пера, деревцо, с которым он более месяца в переезде своем разделял небольшую меру пресной воды, какую он получал на корабле для собственного своего ежедневного употребления; сей великодушный усердного мужа поступок через один год награжден был двумя фунтами семян кофейных, которые им розданы всем охотникам (то есть желающим. — Ю. Г.) для развода, так что в три года они уже разослали новые семена в Сан-Доминго, в Гадалупу и по всем соседним островам. Сей Кофей так быстро размножился, что в 1736 году остров Мартиника считал у себя 11 953 232 кустов кофейных...»²⁶. Об имбире сообщается, что виргинцы пьют его «вареной в воде с сахаром, как мы пьем чай, в случаях простуды и жесткого кашля. Бразильцы непрестанно держат за щекой жвачку Инбирную, будучи уверены, что она умножает в них плодотворную силу»²⁷.

Следует отметить, что наряду с Антильскими островами и реке — Северной Америкой, многие заметки Каржавина относятся к Гвиане и другим областям Южной Америки. У нас нет, однако, сведений, что Каржавин бывал когда-либо на южноамериканском материке, если не считать одной журнальной заметки, принадлежность которой Каржавину не вполне достоверна, о кратковременной поездке в устье Ориноко за черепахами. Таким образом, не все каржавинские сообщения основаны на его собственных наблюдениях. Однако близость Антильских островов к материку, постоянные связи с ближайшими его частями, обширные знакомства Каржавина, в частности, среди моряков, давали ему возможность собрать относительно достоверные сведения и о районах, где ему не довелось побывать.

Отдельные заметки, связанные с заокеанскими впечатлениями, встречаются и в других книгах Ф. Каржавина, часто очень далеких по своему основному содержанию от этой темы. Так, в «Архитектоническом словаре», приложенном им к своему переводу «Сокращенного Витрувия» К. Перро, Каржавин пишет о кленовом сахаре, который в области кленовых лесов на р. Охайо и др. «всякая деревенская баба умеет делать из кленовицы... Такового кленового сахара довольно я сам видел и употреблял, будучи в 1779 году в республике Нового Иорка, путешествуя в Бостон»²⁸ и т. п.

²³ Там же, табл. 22.

²⁴ Там же, табл. 9.

²⁵ Там же, табл. 40.

²⁶ Там же, табл. 10.

²⁷ Там же, табл. 30.

²⁸ [К. Перро], Сокращенный Витрувий или совершенный архитектор, М., 1789 (1791), стр. 185.

Почти не дошли до нас рисунки Каржавина, интересно дополняющие его записи. Из трех его собственных рисунков, входящих в сохранившийся альбом, два посвящены Америке²⁹. Один из них изображает, по словам автора, «С Бермудских островов летучее судно лощманов, выезжающих всякой день в море для помощи незнающим берегов виргинских, стоят в Гамптоне»³⁰. Другой — выразительный портрет, подписанный «Арапка в Мартинике» и датированный, видимо, по памяти, ошибочно 1778 г. (в этом году Каржавин на Мартинике не был)³¹. Само качество этих вполне профессиональных рисунков говорит о том, что они не могли быть единственными.

Итак, дневники Ф. В. Каржавина дошли до нас лишь фрагментами, а публикации, связанные с его путешествиями, остались отрывочными и не систематичными. Возможно, первоначально они задумывались гораздо шире. «Увидит ли когда-нибудь публика североамериканский каржавинский дневник?» — спрашивал в письме вильямсбургский друг Каржавина профессор Беллини³², очевидно знавший и о существовании этого не дошедшего до нас дневника, и о планах его издания.

Неполнота и разрозненность публикаций, к тому же почти всегда анонимных, заставляет искать каржавинские статьи среди довольно большого количества безымянных публикаций об Америке в русских журналах конца XVIII в. В работах Л. Б. Светлова и В. И. Рабиновича³³ была сделана попытка приписать Ф. В. Каржавину несколько анонимных статей и даже книг. Некоторые из них имеют прямое отношение к нашей теме. Однако ни одна из этих атрибуций не подтверждена, к сожалению, в достаточной степени анализом самих текстов и обстоятельств их публикации, а некоторые из них представляются нам явно ошибочными.

Каржавин не мог быть, например, автором «Нешастных приключений Василья Баранщикова», вышедших двумя изданиями до его возвращения в Россию³⁴. Пути Каржавина и Баранщикова, временами соблазнительно близкие, нигде, однако, не пересекались.

Не принадлежит Каржавину и другая приписываемая ему книга «Описание острова Санкт-Доминго»³⁵. Она откровенно компилятивна. По словам анонимного составителя, в ней содержатся «избранные мною из надежнейших источников достоверные известия о вышеназванном острове»³⁶. Ровный, деловой язык книги, лишенный оттенка личного впечатления и характерной для Каржавина эмоциональной окраски, подтверждает это. Описание Кап-де-Франса — единственного города на острове, в котором побывал Каржавин, гораздо бледнее и схематичнее,

²⁹ Альбом хранится в Музее книги Гос. библиотеки им. Ленина.

³⁰ Альбом Каржавина, л. 18. Рисунок опубликован в нашей статье «Жизнь и странствия Федора Каржавина», «Прометей», т. 2, М., 1967, стр. 92 и в кн.: В. И. Рабинович, С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану, М., 1967, стр. 43.

³¹ Альбом Каржавина, л. 53. Рисунок многократно публиковался (впервые в кн.: А. И. Михайлов, Баженов, М., 1951, стр. 309). Лучшее воспроизведение в кн.: А. А. Сидоров, Рисунок старых русских мастеров, М., 1956, стр. 129.

³² Рукописный отдел Института русской литературы, ф. 93, оп. 2, д. 100, л. 236. Оригинал по-итальянски.

³³ Л. Б. Светлов, Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин, «Известия АН СССР. Сер. литературы и языка», т. XXIII, вып. 6, М., 1964, стр. 517—528; В. И. Рабинович, С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану; его же, «Вожак Ф. К.» (Ф. В. Каржавин) и Московский университет, «Вестник Московск. ун-та», 1968, № 5, стр. 34, т. 42 и другие работы. Рассматривая здесь лишь вопрос о принадлежности Ф. В. Каржавину публикаций, содержащих этнографические сведения об Америке, мы не касаемся ряда других спорных моментов в оценке В. И. Рабиновичем деятельности и личности Каржавина.

³⁴ «Нешастные приключения Василья Баранщикова», СПб., 1787 г.; третье издание — там же в 1788 г. (год возвращения Каржавина). См. В. И. Рабинович, С гишпанцами..., стр. 86.

³⁵ В. И. Рабинович, С гишпанцами..., стр. 27—34.

³⁶ «Описание острова Санкт-Доминго...», М., 1793, стр. I—II.

чем в его цитированном выше дневнике. Не соответствует известным нам взглядам Каржавина отношение автора к рабовладению: осуждая «дурных» владельцев рабов, он находит, что «у доброго господина состояние их очень сносно»³⁷. Наконец, есть в книге и невозможные для Каржавина фактические ошибки: какаоовое дерево многократно названо в ней «кокосовым», а плоды его «орехами». Эта ошибка была, видимо, достаточно распространена (мы встретимся с ней еще в одной из приписываемых Каржавину статей). Сам Каржавин в примечании «О шоколаде», описывая какаоовое дерево, специально подчеркивает «не кокосовое»³⁸.

Без достаточных, как нам кажется, оснований приписывается Каржавину и серия статей о производстве и сортах американского табака в XVII томе журнала «Экономический магазин»³⁹. Его издатель, А. Т. Болотов, всегда охотно ссылающийся на своих корреспондентов, на этот раз указывает, что статьи заимствованы «из одного недавно в свет изданного сочинения»⁴⁰, т. е. из печатной книги. Не отмечена какая-либо связь с Каржавиным и в подробнейших мемуарах Болотова. Из текста статей можно понять, что книга, о которой идет речь, была издана в Голландии⁴¹. Слабое знание географии изобличает в их авторе человека, не бывавшего в Америке: тюки («рули») табака из Бразилии, упакованные в «некакую» (т. е. непонятно какую) зеленую кожу, оказывается, производятся в Сант-Доминго⁴².

Сложнее вопрос о статьях на американские темы, напечатанных в 1784 г. в издававшемся Н. И. Новиковым журнале «Прибавления к московским ведомостям». Связь Каржавина с Н. И. Новиковым несомненна — его статьи печатались в новиковском «Живописце» еще в 1773, а возможно и в 1772 г. В 1783 г. Новиков издал один из выполненных задолго до того переводов Каржавина, а вскоре после его возвращения в Россию — другой его перевод — «Сокращенного Витрувия» и приложенный к нему архитектурный словарь самого Каржавина. Связь Каржавина с Россией в годы его странствий не совсем прерывалась — известно, что писал П. А. Демидову, сохранились и немногочисленные письма к отцу. Следовательно, сам факт публикации его статей в эти годы в московском журнале маловероятен, но возможен.

Статьи, которые привлекли в этом журнале внимание биографов Каржавина, очень разнородны и не составляют единого цикла. Л. Б. Светлов и В. И. Рабинович расходятся в их выборе. Решать вопрос об авторстве здесь приходится для каждой статьи в отдельности. Ни в одной из них нет исключających сомнений совпадений с известными нам фактами биографии Каржавина, с сохранившимися его дневниками или бесспорными публикациями. Но в двух статьях, которые Л. Б. Светлов «довольно достоверно» приписывают Каржавину нет, с другой стороны, и ничего (или почти ничего) противоречащего этой атрибуции. Первая из них — «Натуральная история черепах, писанная в Америке самовидцем»⁴³. Ее автор отправился на охоту за черепахами на Ориноко в феврале из Сент-Томаса, одного из малых Антильских островов, с приятелем, имевшим отношение к «табачному торгу» (Каржавин с сентября 1781 по февраль 1782 г. плавал на торговом судне в районе Малых Антиль). Он описывает кладку черепахами яиц, «на которых кожа столь крепка, что индейцы играют ими вместо мяча», затем охоту и пир. «Из сих черепах составляются суп, жаркое, приправа и заедки, доставляемые рекою

³⁷ Там же, стр. 115.

³⁸ «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии...», стр. 226

³⁹ См. Л. Б. Светлов, Указ. раб., стр. 520.

⁴⁰ «Экономический магазин», т. XVII, 1784, стр. 289.

⁴¹ Там же, стр. 364.

⁴² Там же, стр. 296, 319.

⁴³ «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, стр. 373—376.

Ориноко ее гостям. Мущины ловят больших черепах сколько им надобно и кладут их на спину, которая так высоко, что они не могут достать ногами до земли и убежать. Женщины и ребята собирают множество яиц и малых черепах в корзинки, относят их в свои хижины и приготавливают пищу. Голову, шею и ноги отрезают и варят в супе, а во время сего варения едят прочее тело, яйца и жир. Суп подается после всего на стол, или, лучше сказать, на землю, ибо они столов не имеют. Мущины берут себе от всего лучшие части; также женщины варят им из турецкой пшеницы крепкое пиво, называемое хика, а сами должны пить только речную воду. Из яиц делаются вкусные яшницы без масла и без соли, ибо оные столь жирны, что никогда не пригорают. Еще готовится из них масло, которым индейцы мажутся всякой день по два раза, и сверх того много продают оно. Сие масло вкусом и легкостью превосходит деревянное. Делается оно следующим образом: сперва смывают песок с яиц, потом давят их так, как у Европейцев давится виноград, наливают водою и выставляют на солнце. Через несколько дней масло извлекается и всплывает на воде. Тогда черпают его женщины раковинами, кладут в котлы и варят на огне дотопле, как сделается оно чисто и прозрачно. Потом сохраняют его в стеклянках. По прошествии того времени, как черепахи кладут яйца и когда река начинает прибывать, индейцы наполняют свои лодки черепахами и отъезжают домой с удовольствием»⁴⁴.

Эта сценка из жизни индейцев на Ориноко в самом деле близка по характеру к записям Ф. Каржавина. Но его рассказ о черепахах в книге Бертуха гораздо лаконичнее. Он не содержит обычной для автора ссылки на собственные наблюдения и не дает оснований думать, что Каржавин наблюдал такую охоту своими глазами. Следует заметить также, что Каржавин нигде не ссылается ни на эту, ни на другие приписываемые ему журнальные статьи, хотя то и дело отсылает читателей своих более поздних книг к «Описанию хода караванов», «Примечания словопроизводным» и другим своим известным публикациям. Наконец, то обстоятельство, что Каржавин 20 февраля 1782 г. отплыл с Маргиники в новое путешествие, заставляет сомневаться в возможности для него в том же феврале побывать и на Ориноко.

Вторая статья «Краткое известие о провинции Виргинской (Из письма никоего путешественника)»⁴⁵ привлекает внимание описанием мест, в которых, безусловно, бывал Ф. В. Каржавин — Ричмонда, Петербурга и дороги между ними, наблюдениями природы, также напоминающими его записи. Есть в ней и некоторые наблюдения, имеющие этнографический интерес — описание домов и обычаев белого населения Виргинии, попытка характеристики социальных слоев виргинского общества. Вместе с тем стиль этого отрывка представляется нам несколько сентиментальным и вялым, лишенным каржавинского темперамента. Орфографическая (а не фонетическая) транскрипция некоторых чазваний также вызывает сомнения (река Жамес, вместо Джеймс и т. п.). Наконец, американский трактир сравнивается не с русским или французским, а с английским, который Ф. Каржавин мог видеть только в восьмилетнем возрасте. Таким образом, и здесь есть определенные основания сомневаться в его авторстве.

Еще две статьи, которые Л. Б. Светлов приписывает Каржавину не столь решительно⁴⁶, следует, как нам кажется, отнести вовсе: ничто, кроме американской тематики, интересовавшей в то время многих, не связывает их с Каржавиным. Более того, в небольшой статистической заметке «Влияние войны в расположении виргинского табаку» цены, ука-

⁴⁴ Там же, стр. 374, 375.

⁴⁵ Там же, стр. 577—583, 585—591.

⁴⁶ Л. Б. Светлов, Указ. раб., стр. 520.

занные в рейхсталерах, явно говорят о немецком источнике⁴⁷. Другая статья — «Краткое описание жизни и характера генерала Вашингтона»⁴⁸, также, вероятно, является переводной. К тому же ее переводчик (или автор) не знал, видимо, английского языка на слух: данная в ней транскрипция фамилии Вашингтона представляется нам невозможной для Каржавина.

Еще более щедр в своих атрибуциях В. И. Рабинович. Он считает возможным приписать Ф. В. Каржавину (наряду с некоторыми из упомянутых выше) также, статью «О Канаде»⁴⁹ вопреки ее подзаголовку «письмо одного возвратившегося из Америки немецкого офицера» и тому обстоятельству, что Каржавин в Канаде не бывал (статья написана явно по личным впечатлениям).

Нельзя согласиться и с его атрибуцией Каржавину обширной статьи «Понятие о торге невольниками»⁵⁰. Построенная в основном на африканском, а не на американском материале, она к тому же посвящена защите работоторговли. Приводимые В. И. Рабиновичем краткие цитаты якобы антирабовладельческой направленности⁵¹ вырваны из контекста, в котором они служат антитезисом к тезису, защищаемому автором, или относятся лишь к злоупотреблениям отдельных работоторговцев. Наконец, одна из этих цитат заимствована даже не из статьи, а из полемического примечания к ней, сделанного редактором (т. е. И. И. Новиковым).

Наконец, тот же исследователь приписывает Каржавину статью «Владения испанцев в Америке»⁵². Однако это не самостоятельная работа, а лишь часть главы «О торговле европейцев в Америке», входящей в еще более обширную публикацию «О торговле вообще». Источник этой публикации указан редакцией в объявлении о подписке, где она сбещает, что будут продолжаться «статьи из лучших иностранных коммерческих книг, касающихся до торговли вообще и частью». Противоречит атрибуции В. И. Рабиновича и текст статьи, в котором повторяется уже знакомая нам путаница с какаовым и кокосовым деревом (а какао называется «кокосовым хлебом»), и утверждается, что «мулаты» могут быть детьми «белых матерей и черных отцов» (Каржавин в приведенном выше примечании говорил о запретности таких связей). Наконец, транскрипция таких слов как «коррежидор» говорит о незнании переводчиком испанского языка на слух.

Таким образом, попытки исследователей заполнить пробелы в американских наблюдениях Ф. В. Каржавина дали пока лишь незначительные и не вполне достоверные результаты. Возможно, более внимательные поиски в журналах и архивах еще познакомят нас с утраченными эпизодами его странствий. Но и то, что сохранилось в архивах и книгах, собранное по крупицам и сопоставленное, создает, как нам кажется, живую и красочную картину американской жизни в конце XVIII в. и рисует своеобразный, очень индивидуальный и в то же время характерный для своего времени портрет путешественника.

Мы касались в этой статье только собственных этнографических наблюдений и записей Ф. В. Каржавина, но нельзя не отметить в заключе-

⁴⁷ «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, стр. 223, 224.

⁴⁸ Там же, стр. 362—372.

⁴⁹ Там же, стр. 116—121. См. В. И. Рабинович, С гишпанцами..., стр. 25, 61; его же, «Вожак Ф. К.» (Ф. В. Каржавин) ..., стр. 34.

⁵⁰ «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, стр. 545—564. См. об этой статье: В. Боголюбов, Н. И. Новиков и его время, М., 1916, стр. 312—313; Г. Макагоненко, Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, М.—Л., 1952, стр. 394—397.

⁵¹ В. И. Рабинович, Революционный просветитель Ф. В. Каржавин, М., 1966, стр. 44; его же, С гишпанцами..., стр. 42; его же, «Вожак Ф. К.» (Ф. В. Каржавин) ..., стр. 44.

⁵² «Прибавление к Московским ведомостям», 1783, стр. 265—272, 276—280. См. В. И. Рабинович, С гишпанцами..., стр. 34, 36; его же, «Вожак Ф. К.» ..., стр. 42.

ние и его заслуг в качестве переводчика географической литературы в России. Кроме цитированного выше «Описания хода... караванов в степной Аравии...» английских путешественников Б. Плейстида и Дж. Элиота, ему принадлежит также неопубликованный до сих пор перевод «Журнала или поденника флотского капитана Иосифа Биллингса»⁵³, содержащий, наряду с чисто географическими, и ценные этнографические наблюдения. Перевод этот был далеко не механическим: Каржавин сопоставил записи Биллингса с наблюдениями С. П. Крашенинникова и дал в своем переводе отсылки к его «Описанию земли Камчатки», а также и некоторые другие примечания. Переводом Каржавина пользовался Г. И. Сарычев в работе над книгой «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю...» (СПб., 1811).

⁵³ Собственноручная рукопись этого перевода хранится в Центральном государственном архиве Военно-морского флота, ф. 913, оп. 1, д. 159, 215 и 259 (см.: А. И. Алексеев, Гавриил Андреевич Сарычев, М., 1966, стр. 88—93). Другой автограф части этого перевода имеется в Рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.